

Накануне суда

**В черном черном доме
на черном черном потолке
было черное черное пятно,
там сидела черная рыба
и метала черную икру,
так какая разница,
если я все равно умру?**

Ей нравились эти невинные игры. Эти странные телефонные звонки незнакомых людей, эти беседы о давно занимавшей ее наркомании. Особенно много звонков было после ее публикации о наркомании в «Новом времени». Ей нравилось быть в центре внимания, чувствовать к себе интерес, быть популярной. Она поддерживала разговор, даже когда он переставал быть дружелюбным, даже когда совсем незнакомые люди пытались внушить ей, что знают ее давно и хорошо, даже когда беседа выходила за рамки обычного и начинала приобретать явно провокационный характер. Она не знала, чем закончатся эти игры, каков будет финал. Развязка случилась неожиданно...

Алина Витухновская, 22-летняя московская поэтесса, автор двух стихотворных сборников: «Детская книга мертвых» и «Аномализм», родилась и выросла в Москве, здесь же несколько раз пыталась умереть... Родители давно разрешились, и она жила с тетью и бабушкой. Круг ее знакомых — интересные, творческие люди: актеры, режиссеры, художники. Они не были наркоманами, они просто иногда «баловались» иглой. АLINE всегда было ужасно интересно влияние наркотиков на психику человека, особенно творческой личности. Несколько раз она пробовала сама...

**Опасайся моря.
Когда на палубе тень
И жарой пропитана
толща лени
Все кончается штормом.
Утром вниз повисает день,
Немеют ноги
и стулья падают на колени.**

Тот пасмурный шестнадцатый день октября начинался, как и все другие: с мрачного рассвета и лоскута серого неба в окне. До этого Алина несколько дней не выходила из дома, провалявшись в постели с температурой 39. И, может быть, пролежала еще столько же, если бы позвонившая подруга не уговорила ее пойти на концерт. Около пяти вечера она вышла из дома вместе с тремя друзьями (они шли по своим делам, Алина — по своим). До метро (ближайшим был «Речной вокзал») — рукой подать, но по дороге двое из них отстали. На путях уже стоял состав, и Алина с оставшимся с ней знакомым рванула в еще открытые двери. Он успел, она нет. Двери захлопнулись. Краем глаза он заметил, как она, проходя мимо компании молодых людей, кивком головы поздоровалась с ними. Поезд вошел в тоннель...

**Некто, выдумавший игру,
Станет играть до конца.
Дверной глазок в черной маске
рук —
Шутка его гонца.**

С концерта Алина возвращалась поздно, без чего-то двенадцать она подходила к своему подъезду. Во дворе увидела две милиейские машины и несколько человек в форме. Ждали ее. Девушку затолкали в подъезд, поднялись с ней на лифте на нужный этаж и вошли в квартиру, дверь которой открыли обалдевшие от неожиданности бабушка и отец. Алину пришли «брать». Откуда-то сразу появились понятые, начался обыск. Перевернули все, нашли то, что искали, — наркотики (позже Алина будет уверять, что ей их подложили). Обыск был следствием, но была и причина. Алине предъявили обвинение в том, что 16 октября 1994 года у не установленного следствием лица в не установленном месте в не установленном месте незаконно приобрела синтетические наркотические вещества — фенциклидин и амфетамин и вечером того же дня сбыла их двум гражданам (ст. 224, ч. 2, 224, ч. 2 и 162-7, ч. 1 УК РСФСР). Ей грозит от 6 до 15 лет. В отделении устраивается очная ставка с двумя «покупателями»: в нарушении юридических норм без проведения опознания. Покупатели в отсутствии «выбора» Алину, естественно, узнали. Сама она доказывает, что видит этих двух ребят впервые и вообще ничего не понимает. Медицинское обследование признает всех троих виновными.

«Я в полном ужасе, что никогда отсюда не выйду...»

**Талантливая московская
поэтесса находится за решеткой
по обвинению в сбыте наркотиков**

**Как неуместен бывает вопрос
Такой как «при чем здесь я?»
Неуместно думать,
что это не он,
А море, война, змея.**

Алине ставят в вину то, что около семи вечера она на станции метро «Речной вокзал» продала двум этим ребятам наркотики. Алина утверждает, что невиновна и что в это время была на концерте, требует адвоката. Адвоката ей предоставляют только через несколько дней.

Из обвинительного заключения

«Допрошенный в качестве обвиняемого при предъявлении обвинения в окончательной редакции Шерков А. Г. вину по ст. 224 ч. 3 УК РСФСР признал частично, по ст. 162-7 ч. 1 УК РСФСР полностью и показал, что 15 октября 1994 года находился около магазина «Ноты» и читал рекламы вместе с двумя парнями, которые говорили что-то про ЛСД, а затем спроси-

ли его, не интересуется ли он этим средством, на что он, Шерков А. Г., дал утвердительный ответ и оставил им номер своего телефона, так как хотел испытать действие ЛСД на себе. Вечером он позвонил Поликарпову (второй «покупатель» — Авт.), рассказал о происшедшем. Тот изъявил желание тоже приобрести ЛСД, 3 дозы. 16 октября один из этих парней позвонил ему, Шеркову А. Г., и назначил встречу в центре зала метро «Речной вокзал», где к нему должна подойти девушка. Они договорились с ним о покупке четырех доз ЛСД по 7 долларов США за одну дозу. 16 октября вместе с Поликарповым он, Шерков А. Г., приехал на станцию метро «Речной вокзал», как договорились с тем парнем. Они знали, что должна подойти девушка. Когда приехал поезд, то вышла девушка. И хотя парень ее не описал, они сразу поняли, что это та, которую они ждут. Платформа была пустая, и она сразу подошла к ним, хотя на скамейке сидели какие-то молодые люди. Он, Шерков А. Г., отдал ей 7 долларов и отошел в сторону, после чего



с нею стал расплываться Поликарпов Д. А. После этого девушка достала из сумки пузырек, и он, Шерков А. Г., взял его и положил в карман. При выходе из метро их задержали работники милиции. Девушку, которая им продала ЛСД, он увидел в окружении работников милиции ночью, а позже с нею провели очную ставку, где он, Шерков А. Г., все рассказал, как было. А девушку все отрицала, требовала адвоката. И это была действительно та девушка, которая продала им ЛСД.»

**Телефонит. Туманит. Тюрьмама
спит, накрывшись чужим брешетом.
Кровянит пистолетная рана.
Мусопровод кишит насеком.**

Покупателей выпускают под подписку о невыезде, Алину берут под стражу. Она в «Бутырке» уже семь месяцев. Каждые десять дней у нее сильнейший грипп, крошатся зубы, портятся слух и зрение, несколько раз она пыталась покончить жизнь самоубийством. За ней установлен усиленный контроль. Уверена, что ее подставили. Кто и почему — теряется в догадках. Все ходатайства адвоката (который после ряда неудач как-то умерил свой пыл) и родителей об изменении ей меры пресечения на подписку о невыезде отклонены из-за «тяжести содеянного и личности преступника». В последней надежде родители Алины обратились в благотворительный фонд защиты журналистов «Опасная зона», и только благодаря инициативе президента фонда В. Э. Руги и адвокатов гильдии российских адвокатов она получила возможность на защиту.

**Не помню ни дня ни ночи,
года не разобрав,
расписываюсь, почерк
впоследствии не узнав.**

История эта туманна. И долго еще будут висеть в воздухе много разных «Почему?». Почему следствием не были допрошены многие свидетели, на которых защита вышла собственным путем: те, которые шли вместе с Алиной до метро, те, которые видели ее на концерте, в то время, как она, по версии следствия, продавала наркотики. Почему так не активен был адвокат, которого потом по просьбе родственников девушки сменил адвокат из гильдии российских адвокатов. Почему Алину не задержали сразу после купли-продажи, а лишь через несколько часов, тогда как «покупателей» задержали сразу. Вопросов масса, до суда остались считанные дни. Необходимо, чтобы было принято правильное решение, ошибки здесь непростительны. И потому надемся, что судьбу Алины будет решать суд присяжных, считающийся самым объективным. Общественную защиту Алины на судебном заседании, которое намечено на 14 июня, намерены осуществлять Андрей Вознесенский, Юнна Мориц, Андрей Битов и другие.

Кирилл ВЕТРОВ

Вся информация предоставлена Благотворительным фондом защиты журналистов «Опасная зона».